

Се Цзин свалился с коня, прижимая к груди императорский указ. У меня в глазах блеснула надежда.

— Пощади его! — крикнул Се Цзин.

Не успели слова слететь с его губ, как могучий мужчина с мечом, стоявший позади, дрогнул рукой — клинок отклонился на пару вершков, лишь срезав прядь моих волос.

Я стоял на коленях, вид у меня был жалкий, но во взгляде, устремлённом на Се Цзина, мерцал едва уловимый зелёный огонёк.

Се Цзин, Се Цзыкэ, третий молодой господин Се... Всё-таки ты не можешь допустить моей смерти, ведь так?

Авторская ремарка:

Как и обещано, начинаю новую историю. Постараюсь написать лучше предыдущей. И ещё, слушайте меня: чтобы потом не мучиться, не ошибитесь с выбором пары (???)

В мире говорят, что при дворе Великой Чу есть три верных, три коварных и один бездельник.

Маркиз Диннань Сяхоу, старейшина Хэ из Министерства финансов и Ши У из Министерства церемоний — вот три верных. Им противостоят Се Янь из Министерства наказаний, Цзин Юйшу из Министерства чинов и генерал Чжунъю Шэн Дайчуань — трое коварных. А князь Юй Шаньшуй, который вечно пропадает неизвестно где, по праву носит титул бездельника.

Стыдно признать, но я родился в семье Сяхоу — одной из тех, что числятся верными.

Наш род Сяхоу, если отсчитывать вверх три поколения, состоял сплошь из преданных государству доблестных генералов.

Начнём с моего деда, Сяхоу Юаня. Он прожил шестьдесят лет, сорок из которых провёл на войне — подлинный герой, заложивший основы державы.

Мой отец, Сяхоу Юэ, в день своей свадьбы получил срочное донесение с границы. Не сказав ни слова, он той же ночью бросил только что обвенчанную невесту, вскочил на коня с копьём в руках и два года сражался, прежде чем смог вернуться домой и наконец разглядеть, как выглядит моя мать.

Что до меня... К моему поколению род Сяхоу уже достиг богатства и знатности.

Говорят, люди, пока бедны, бьются за кусок хлеба, а разбогатев, начинают гнаться за изысканностью.

В год моего рождения деду было пятьдесят два, отцу — тридцать. Эти двое, привыкшие к мечам и копьям, уселись вместе и три дня размышляли. Сошлись на том, что жизнь у нашего рода Сяхоу слишком груба, и за три поколения у нас не появилось ни одного культурного человека.

Отец говорил, что они с дедом от всей души надеялись, что я стану благородным военачальником, а потому дали мне имя Цянь — «Скромный», в значении «благородный муж».

Увы, мечты — одно, а реальность — другое.

Какой отец, такой и сын. Мой отец хотел воспитать во мне талантливого полководца, но сам-то

едва сотню иероглифов знал. Как такой неуч мог вырастить поэта? Это всё равно что мост через реку Цяньтан строить — пустые грёзы.

Короче говоря, я с младых ногтей перенял все солдатские замашки отца и деда. Не то что стихи слагать — даже читать классические книги было для меня мукой.

Возьмите хотя бы испытание в годовалом возрасте, когда младенцу подносят разные предметы. Говорят, я тогда прополз полстола, обогнув письменные принадлежности, и ухватился за короткий меч.

Эх, что уж там, всё это дела давно минувших дней.

Вернёмся к сути. Хотя я, Сяхоу Цянь, и грубоват, но сердцем не груб. Я различаю правду и ложь, понимаю, кто верен, а кто коварен.

С шестнадцати лет я в армии — вот уже десять лет. За это время я прошёл путь от простого солдата до генерала третьего ранга, и всё благодаря подлинным заслугам, добытым в боях. Своё положение я занял благодаря железной воле и преданности, без всяких протекций.

И сегодня я могу с чистой совестью заявить: если уж я не считаюсь верным слугой, то верных слуг на свете попросту не существует.

Вот только три дня назад эти слова поверил бы весь мир, а нынче, боюсь, Государь им не поверит.

Три дня назад я с победой вернулся с юга. Государь обрадовался и лично устроил в мою честь пир.

Но беда пришла как раз с этим пиром.

Мой триумф совпал с днём поминовения любимого дяди Государя — князя Ци.

Князя Ци я видел. В народе о нём ходили противоречивые слухи: одни поносили его за зверства, другие славил за подвиги на северных рубежах.

На самом деле, хорош он был или плох — не так важно. Важно то, что он был самым близким Государевым дядей, что он пал в бою и что с тех пор прошло уже несколько лет.

Возможно, поэтому Государь был не в духе. За весь пир он сказал меньше, чем выпил вина.

Когда пиршество закончилось, я заметил, что Государь уже пошатывается.

Он был так пьян, что я не посмел оставить его одного и почтительно проводил до выхода. В узком переулке Государь прищурился, долго смотрел на меня, а потом выдохнул с перегаром:

— Вино в твоей резиденции ничего, крепкое.

Я кивнул, не придав значения: какое же ещё вино пьют солдаты, как не крепкое?

Государь продолжил:

— Ты всегда такой. Вообще-то... вообще-то я уже приготовил вино для пира, а ты... эх.

Слова его были бессвязны. Я почувал неладное, собрался с духом и взглянул на него — и

встретил совершенно пьяный, мутный взгляд.

Увидев, что я смотрю, Государь тихонько, с улыбкой позвал:

— Дядя.

От этого слова меня качнуло. Я дрожащей рукой ткнул пальцем в свою грудь и уставился на него:

— Го-осударь, вы... ко мне?

Государь нахмурился, будто недовольный:

— Дядя, ты на меня сердишься? Я всего лишь хочу от тебя правды, больше ничего. Зачем же ты всегда заставляешь меня... заставляешь убить тебя...

Я застыл на месте, с трудом сглотнув.

Государь перепутал меня с князем Ци и проболтался о какой-то тайне — вышло, князь Ци, возможно, пал не в бою.

Подумав об этом, я снова сглотнул, украдкой отступил на два шага. Когда Государь уже потянулся, чтобы схватить меня за рукав, я глубоко вдохнул, развернулся и бросился прочь.

Позади ещё долго слышалось настойчивое: «Дядя! Дядя!» — но я не смел оглянуться.

Конец, полный конец! Узнал то, чего знать не должен. Если дорога своя жизнь — бежать, и бежать немедленно!

Авторская ремарка:

Каков нрав у отца Сяхоу? Ну... примерно как у Ли Юньлуна из «Яркого меча», если бы тот оказался в нашем мире.

Начало и конец всегда даются труднее всего. Благодарю всех за терпение!

Государь перепутал меня со своим дядей. Я думал, стоит улизнуть — и всё обойдётся. Не обошлось: неприятности приключились с самим Государём.

Говорят, прошлой ночью на него напали.

Само по себе покушение на Государя ко мне отношения не имело. Беда в том, что я в спешке потерял один башмак.

И этот башмак стал железной уликой.

С раннего утра евнух Хай с отрядом окружил мою резиденцию. Он щеголевато теребил в руках орхидею и сказал с ядовитой улыбкой:

— Генерал Сяхоу, это ваш башмак?

С детства я не отличался сообразительностью и не сразу уловил лезвия в его словах. Только закивал:

— Мой, мой.

Евнух Хай улыбнулся ещё слаще, но голос его стал резким:

— Что ж, всё ясно. Взять этого негодяя, посмевшегося поднять руку на Государя!

Слова «поднять руку на Государя» ударили по мне так, что я и не подумал сопротивляться. Солдаты мгновенно повалили меня на колени. Мой отец тоже остолбенел и лишь через силу выдавил:

— Евнух... евнух Хай, что же... что же совершил мой сын?

— Что совершил? Генерал Сяхоу, позвольте быть откровенным: не будь милости Государя, одного оскорбления величества хватило бы, чтобы вашему роду пришлось несладко.

— Оскорбления величества?

— А разве не этот негодяй, Сяхоу Цянь, вчера оглушил Государя и совершил то самое?

Отца слова евнуха ошеломили. Он, как дурак, уставился на меня:

— Что... что он совершил?

Я долго думал, но так и не вспомнил ничего предосудительного. Тогда я в свою очередь уставился на евнуха Хая:

— Да, что же я совершил?

Уголки губ евнуха Хая дёрнулись, все морщины на лице собрались в комок от негодования:

— Ты... ты ударил Государя и ещё смеешь отпираться?! Я растил Государя с пелёнок, и никогда он не был ранен так сильно! Ты... просто отвратителен! Омерзителен!

Что? Государь ранен? Неужели его сразил мой потерянный башмак? Вчера он был пьян в стельку, едва на ногах держался — вполне мог и башмаком с ног сбить.

<http://bllate.org/book/15934/1423785>